

УДК 811-581

Ногаева В.У.*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросу передачи значения юридической терминологии при переводе с французского языка на русский и с русского на французский. Юридическую терминологию автор условно делит на три группы: термины, имеющие прямое соответствие в языке перевода, термины – варианты соответствия и безэквивалентная лексика. В отдельную группу вынесены «ложные друзья переводчика». Приводятся различные способы перевода безэквивалентной юридической лексики. Автор приходит к выводу, что для адекватного перевода, помимо знания двух языков и знакомства с предметом (правоведческой компетентности), обязательным условием является подготовленность в области теории перевода и владение практическими переводческими навыками. *Ключевые слова:* перевод, коммуникативная компетенция, юридическая терминология, безэквивалентная лексика, «ложные друзья переводчика».

V. Nogaeva*Kutafin Moscow State Law University*

DIFFICULTIES OF TRANSLATION OF LAW TERMS FROM FRENCH TO RUSSIAN AND FROM RUSSIAN TO FRENCH

Abstract. This article is devoted to the problem of the translation of juridical terms from French into Russian and from Russian into French. The author divides legal terminology into three groups: terms that have a direct correspondence in the target language, terms that have variants in translation and non-equivalent vocabulary.

So called "false friends" form a separate group. The author gives various ways to transfer non-equivalent juridical vocabulary. The author concludes that for an adequate translation, besides knowledge of both languages and familiarity with the subject (jurisprudential competence), it is imperative to know the theory of translation and to have practical translation skills.

Key words: translation, communicative competence, terms of law, non-equivalent vocabulary, «false friends of the translator».

В последние годы процесс глобализации мирового сообщества с высоким уровнем развития интегративных процессов соответственно повысил статус специалистов-юристов, владе-

ющих иностранным языком. В МГЮУ имени О.Е. Кутафина (МГЮА) создана и успешно действует программа изучения иностранного языка с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессио-

© Ногаева В.У., 2014.

нальной коммуникации». Программа нацелена на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в сфере юриспруденции. Основной задачей программы является формирование и совершенствование профессионально ориентированной переводческой компетенции, т. е. умений адекватно интерпретировать тексты профессиональной юридической направленности из различных областей права с учётом сходств и различий исходного языка (далее – ИЯ) и языка перевода (далее – ЯП) [5].

Известно, что перевод является «сложным, разносторонним видом межкультурной коммуникации, направленным на выявление и толкование письменных или устных текстов, создаваемых в одной культуре, и адаптацию их содержания для восприятия представителями другой культуры» [1, с. 13].

В настоящее время существует значительное количество работ в области переводоведения, посвящённых различным проблемам специального перевода текстов, например, труды таких учёных, как Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни, М.Г. Гамзатов, Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман и др.

Следует отметить, что юридический язык, как язык для специальных целей, изучен сравнительно мало, а проблема изучения особенностей перевода, в частности, французских юридических терминов, принадлежит к наименее разработанным аспектам теории перевода, поэтому мы предприняли попытку представления возможностей передачи значения юридических терминов при переводе с французского языка на русский и с русского на французский.

Целью нашего исследования стала попытка проанализировать трудности и продемонстрировать возможности перевода юридических терминов в двух языках.

В своём исследовании мы придерживаемся концепции сложностей специального перевода, предложенной М.Г. Гамзатовым, который отмечает, что сложности перевода юридической терминологии определяются целым комплексом причин:

- сложности, обусловленные языковой природой термина;
- сложности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина;
- сложности, возникающие из-за несовпадения юридических систем государств, следовательно, из-за расхождения объёмов понятий, передаваемых терминами-аналогами, из-за существования специфических для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой [2, с. 11].

В данной статье мы рассмотрим вторую и третью группы сложностей на примере профессионально ориентированной юридической терминологии французского и русского языков.

Правильный выбор слова или словосочетания при переводе в первую очередь зависит от его смысловой и стилистической адекватности подлиннику. Это наглядно можно продемонстрировать на примере эквивалентных соответствий. **Эквивалентами** мы, согласно определению Я.И. Рецкера, считаем такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависящими от контекста [6, с. 13]. Так, *victime (f)* – это всегда

жертва, esclavage (m) – всегда *рабство*, *couprable (m)* – всегда *виновный*, *siège (m) social* – всегда *местонахождение юридического лица*, *créancier (m)* – всегда *кредитор*, *perquisition (f)* – всегда *обыск*. К этому же разряду относятся многие другие слова и словосочетания терминологического характера из области права: *loi (f)* – *закон*; *règle (f) de droit* – *норма права*; *testament (m)* – *завещание*; *prison (f)* – *тюрьма*; *gage (m)* – *заклад движимой вещи с передачей её кредитору*; *réclusion (f) à perpétuité* – *пожизненное заключение*; *Cour (f) Suprême* – *Верховный суд*; *Cour (f) d'appel* – *апелляционный суд*; *emprisonnement (m)* – *тюремное заключение*; *juge (m) de paix* – *мировой судья* и т. п. [4].

Несмотря на то, что основными характеристиками терминов являются точность и однозначность, юридической терминологии часто свойственна полисемия, т. е. термин ИЯ имеет несколько значений в ЯП и наоборот [9]. Для выбора правильного вариантного соответствия необходимо обращать внимание на лингвистический контекст, в котором употребляется данное слово. Так, французское слово *action (f)* имеет среди прочих значения «*судебный иск*» и «*судебное дело*» [4], а выражение «*intenter une action*», в свою очередь, переводится как «*возбудить дело*» или «*предъявить иск*» [4]; ср.:

– *La Commission européenne **intente une action** contre l'Italie pour non-respect des règles de l'Union européenne dans les services de santé publique;*

– *Le père d'un passager du vol MH370 de Malaysia Airlines tombé dans l'océan Indien le 8 mars **a intenté une action en justice** contre la compagnie.*

Французский глагол *instruire* в юридических текстах может переводиться

на русский язык как «*рассматривать дело в суде*» (если речь идёт о гражданском процессе), либо «*расследовать, производить расследование*» (если речь идёт об уголовном процессе) [4]. Русское слово *обвиняемый* может переводиться на французский язык как *prévenu (m)* и *inculpé (m)* [3]. При переводе следует обращать внимание на контекст, в котором употреблено данное слово, так как в первом случае это «*обвиняемый, уже переданный суду*», а во втором случае – «*обвиняемый, находящийся под следствием*». В зависимости от того, какой судебный орган выносит решение, русскому «*судебное решение, постановление*» соответствуют французские *jugement (m)* (*судебное решение трибуналов первой инстанции по гражданским делам*), *sentence (f)* (*приговор трибуналов по уголовным делам*) и *arrêt (m)* (*постановление судов второй инстанции*).

Следует отметить, что юридический перевод представляет собой не только перевод с одного языка на другой, но и из одной правовой системы в другую правовую систему. Учитывая то, что правовая система государств тоже является частью культуры изучаемого языка, необходимо учитывать существующую разницу в правовых системах ИЯ и ЯП. «Различия не существуют сами по себе, только контакт с другими, сравнение своего с чужим придаёт тем или иным элементам статус дифференциального, национально-специфического признака» [7, с. 7].

Отсутствие точных и постоянных лексических соответствий какому-либо слову не означает невозможности передать его смысл в контексте или его непереводимости в будущем, однако постоянно возникает необходимость

передавать новые слова или новые значения уже существующих слов. Любое слово может быть переведено на другой язык хотя бы описательно. Что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого, т. е. на уровне контекстуального перевода. Поэтому вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести чужую лексическую единицу, а к тому, как её перевести. Возможность правильно передавать безэквивалентную лексику и понятия, с ней связанные, предполагает определённые знания о той действительности, в которой эта лексика функционирует.

При переводе безэквивалентной единицы возможно создание окказионального соответствия. Так, в области перевода безэквивалентной юридической лексики при отсутствии в русском языке эквивалентного или вариантного соответствия французскому слову, можно прибегнуть к следующим типам окказиональных соответствий.

1) Соответствия-заимствования, воспроизводящие в языке перевода форму иноязычного слова. Такие соответствия создаются с помощью переводческого транскрибирования или транслитерации. Таковы, например, русские соответствия французским словам:

servitude (f) – сервитут

assesseur (m) – ассессор

abrogation (f) – аброгация

ordonnance (f) – ордоннанс

cour (f) *d'assises* – суд ассизов

Conseil (m) *de prud'hommes* – Совет прудомов.

2) Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого сло-

восочетания в исходном языке. К такого рода соответствиям можно отнести: *tribunal* (m) *de police* – полицейский трибунал

avocat (m) *général* – генеральный адвокат

juge (m) *de paix* – мировой судья

tribunal (m) *de commerce* – торговый трибунал

tribunal (m) *de grande instance* – трибунал большой инстанции

chambre (f) *d'accusation* – обвинительная палата.

3) Соответствия – лексические замены. В случае невозможности создать соответствие вышеуказанными способами для передачи значения безэквивалентной лексики используется метод описания; напр.:

– *réquisitoire* (m) *définitif* – заключительное требование прокурора о прекращении следствия и передаче дела в суд;

– *somation* (f) – предупреждение должника об исполнении долговых обязательств;

– *trouble* (m) *illicite* – незаконное оспаривание права владельца на пользование благом, имуществом;

– *mise* (f) *en accusation* – предание суду присяжных обвиняемого следственным судьёй;

– *jurisdiction* (f) *de renvoi* – судебный или следственный орган, в который дело направлено на новое рассмотрение или на новое расследование.

Определённые трудности при переводе часто вызывают так называемые «ложные друзья переводчика». Наиболее полное определение понятию «ложные друзья переводчика» даёт А.В. Фёдоров: «Ложный эквивалент – слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или

графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение (или другие значения) при известной смысловой близости (отнесённости к одной сфере применения)» [8, с. 191]. Так, французскому термину *jurisprudence (f)* не всегда соответствует русский термин *юриспруденция*, так как основное значение этого слова переводится как «судебная практика», «судебные решения», «прецеденты» [4]. Французский термин *personne (f) juridique* переводится не как *юридическое лицо*, а как *субъект права* [4]. В то же время французским эквивалентом словосочетания *юридическое лицо* является *personne (f) morale* [3]. Французское слово *article (m)* означает не только *статья*, но и – в качестве юридического термина – *статьё закона, пункт, либо товар или предмет* [4]; слово *médiation (f)* переводится на русский язык не как *медиация*, а как *посредничество (способ урегулирования конфликта)* [4], а слово *médiateur (m)* – не как *медиатор*, а как *посредник* [4]. Известное многим слово *communication (f)* часто переводится как *коммуникация, общение*, а в юридических текстах оно означает *передачу судебного решения* [4]. Слово *instrument (m)* переводится как *документ или правовой акт* [4], а не как *инструмент* (орудие производства). Русскому словосочетанию *диспозитивная норма права* соответствует *régle (f) supplétive* [3], а не *régle (f) dispositive*, как часто переводят студенты, а французскому *services (pl) publics* – не *публичные службы*, а *государственные службы* [4].

Подводя итоги, отметим, что проблема выбора адекватного соответ-

ствия при переводе юридических терминов с одного языка на другой, в частности, с французского языка на русский и с русского языка на французский, остаётся одной из проблем теории перевода, требующих детального изучения. Приведённые нами примеры наглядно демонстрируют сложность проблемы, требующей, помимо знания двух языков и знакомства с предметом (правоведческой компетентности), подготовленности в области теории перевода и владения практическими переводческими навыками. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что выбор приемлемого варианта перевода определяется наличием или отсутствием эквивалента в языке перевода. При его наличии процедура сводится к простой подстановке выбранного варианта (с учётом лексической и грамматической сочетаемости), а при отсутствии такового – к тщательному подбору одного из вариантов соответствий с учётом лингвистического контекста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брандес М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 127 с.
2. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода: сб. ст. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 184 с.
3. Мачковский Г.И. Русско-французский юридический словарь. – М.: Руссо, 2004. – 576 с.
4. Мачковский Г.И. Французско-русский юридический словарь. – М.: АBBYU Press, 2009. – 554 с.
5. Рабочая программа к курсу «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» по направлению подготовки «Юриспруденция». – М.: МГЮА, 2013. – 36 с.

6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2004. – 237 с.
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и её этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 5–18.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: ООО «Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.
9. Lexique des termes juridiques. Sous la direction de Serge Guinchard et Thierry Debard. – 20-ème édition. – Paris: Dalloz, 2013. – 993 p.